

О КРИТИКЕ (собратьев по перу и читателей)

Николай Иванович Рыленков, проживший недолгую, но насыщенную всяческими событиями жизнь (войны – Первая и Вторая мировые, Гражданская, польская и финская кампании, революция, коллективизация и индустриализация, черные годы репрессий и время недолгой «оттепели», события в Венгрии, культ личности Сталина и его развенчание), которые, с одной стороны, способствовали становлению его и как личности, и как писателя, а с другой, возводили, казалось бы, невероятные, непреодолимые препятствия на пути к достижению его мечты – служению народу своим пером.

Время его жизни совпало с выдвинутой после революции концепцией: старый мир должен быть разрушен до основания, а потом построен новый. Сюда входили, прежде всего, все достижения духовной культуры и, конечно, история.

Но, как известно еще с незапамятных времен, если не на чем расти, нет почвы, то не будет и плодов. Это поняли рано или поздно многие, но очень немногим удалось противостоять такой официальной доктрине. Среди этих немногих был и Н.И. Рыленков.

Он в ранней юности понял не только свое предназначение – быть лирическим поэтом, но и то, что достичь этого можно, только усвоив культурное наследие предков и понимая роль и место своего народа в историческом мировом процессе. А это и определило его тернистый путь в литературе. Мало кто решался на такой путь, и единицы тех, кто выдержал, не свернул с него. А соблазнов было много – от возможностей издания своих произведений без проволочек до лауреатства. Но...

Как слава непостоянна –
Знали и в оны дни:
Сегодня кричат: «Осанна»,
А завтра кричат: «Распни!»

Но что эта участь злая
Тому, кто, душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело свое творит!

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна»,
Пусть где-то кричат: «Распни!»

Из шести вышедших до войны книг благожелательно была встречена критикой только первая – «Мои герои» (1933 г.). Хотя она вышла в Запгизе, ее отметили и в Москве. Скорее всего потому, что состояла из сюжетных стихов. Но, чувствуя, что такие стихи не то, чему он отдал свое сердце, возвращается к медитативной лирике, которая становится основным направлением его стихотворного творчества.

«О лирике, да еще лирике пейзажной в то время не принято было говорить всерьез. Ее только терпели, как трудноискоренимый предрассудок, как живучий пережиток патриархальщины. А для меня отказ от пейзажной лирики был бы равносителен измене самому себе, нарушению своего нравственного долга перед теми, кто еще в детстве внушал мне любовь к неброской, задумчивой красоте родной природы».

В предвоенные годы поисков и раздумий о поэзии у Рыленкова явно обозначается второе направление его творчества – обращение к истории Родины, и, кроме лирических стихов, появляются исторические баллады и маленькие поэмы.

Все это вошло в последний предвоенный сборник «Березовый перелесок», который сам он считал лучшим из всех довоенных книг. Но и его разругали в прессе. Только Д. Данин (в «Новом мире») благожелательно отозвался о книге. И как писал об этом сам Рыленков: «Ведь я писал о таких неактуальных «проблемах», как любовь, друж-

ба, верность, родная природа, история». Обращение же к истории было еще большим «грехом», чем лирика. Ибо исторические параллели с современностью вызывали у людей совершенно нежелательные для власти размышления и выводы.

В письме М.В. Исаковскому (от 10.02.1941) Рыленков пишет: «Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переживаю».

Война. Время жесточайших испытаний не только для народа, но и всей государственной машины. Чтобы победить в ней, надо было сплотить и поднять все слои населения на борьбу с врагом. В таких условиях лозунги и призывы не слишком эффективны. Оказывается, что культура многое может сделать, воздействуя, в первую очередь, на чувства и сердца людей. Очень большое значение приобретает слово, и не просто слово, а поэтическое слово. Лирика начинает занимать важное место в концертах, радиопередачах, на страницах эстрадных сборников, поэтических книг. И даже на страницах журналов и газет всех без исключения рангов, в листовках печатали стихи.

Мало того, в газете появляется статья А. Сергеева о творчестве четырех поэтов – Рыленкова, Суркова, Симонова и Щипачева. Статья опубликована в газете «Литература и искусство». В ней обосновывается значение и необходимость лирики, важность ее для воспитания патриотических чувств. Привожу выдержки из этой статьи.

«Новое содержание поэзии, принесенное войной, вовсе не обязательно влечет за собой перемену темы. В стихах молодого поэта Н. Рыленкова прежняя его тема верности в любви и дружбе звучит по-новому. Опыт войны не только не ослабил действенности этой темы в стихах Рыленкова, но сообщил ей особую напряженность... Чистые и сильные признания поэта, обращение к любимой звучат призывом на верность любимой родине... По возрастающей силе чувства к любимой можем мы представить силу пережива-

ний человека на войне, о которых поэт прямо не говорит... Опыт войны приучил его взвешивать слова. И за его скупостью чувствуется глубокое раздумье... Только через оригинальное личное отношение художника к материалу действительности может быть раскрыто в искусстве огромное содержание освободительной войны, которую ведет наш народ».

Война закончилась. Победа. И опять закручивание гаек, снова лирическая поэзия на обочине. Это был тягостный момент в жизни Н.И. Рыленкова, может быть, даже тяжелее в каком-то отношении, чем война. Но он выстоял, не бросил писать лирику, не свернул со своей дороги. Помогли, в первую очередь, семья и, конечно, письма любителей поэзии. Критики же чаще всего обходили молчанием. Много больших отзывов можно найти в письмах как от собратьев по перу, так и просто любителей поэтического слова.

Вот выдержки из письма молодого учителя-словесника из поселка Коксовый Ростовской области, выпускника Ростовского университета:

«Я давно знаю Вас по Вашим стихам. Я уважаю Вас за честное отношение к русской поэзии, за бережное отношение к родному языку. Я люблю Ваши стихи за ясность мысли и четкость и простоту формы. Быть может, было бы лучше, если бы последняя была несколько разнообразней, но, по крайней мере, в ней нет никаких выкрутасов, никаких претензий подавить во что бы то ни стало: читая Ваши стихи, невольно думаешь, как все-таки могут быть покорны слова, как они могут быть сложенны и уместны, если над ними «поколдовать» умеючи. И невольно проникаешься уважением к Вам – умелому, умному и поэту «колдуну» слова и к профессии поэта вообще». (30.10.1948);

«Знаете, пришел я домой около полуночи (у меня занятия во вторую и третью смену), усталый, сел за стол, не зажигая света. Вдруг на столе что-то попало под руки незнакомое. Ощупав его, в одно мгновение сообразил, что это книги от Вас, которые мне принесли в мое отсутствие. Сейчас

же, включая свет и быстро сдержав с банделери веревки, я, не раздеваясь, засел за письмо и книги. Зачитался далеко за полночь. Спасибо большое Вам, спасибо за то, что Вы прислали их мне!..

Мне даже трудно сейчас сказать, какое стихотворение лучше, потому что, во-первых, я не все еще прочитал, а, во-вторых, те, что я прочитал, я не прочитал, а «проглотил», отчего могу легко ошибиться. Пока я могу написать лишь, что мне очень нравятся стихи «Из лирической тетради», особенно, например, «Прощание с юностью». Как оно искренно и правдиво по чувству и как оно глубоко по мысли: «Чтобы жизни легчайший трепет отдавался в нас гулкой дробью!». Ведь это же целая программа жизни! Это же наказ человеку: никогда не будь равнодушным к жизни, и пусть она всегда рождает в душе твоей чуткий отклик!.. Кстати сказать, после таких стихотворений, как «В дни лета...», «Пока влекут тебя дороги», «Благословенна отчая земля», «Вечерний ветер, тише вей» и других, у меня по форме Ваших стихотворений расширяется представление... Нравятся мне также Ваши сонеты. Особенно такие, как «Семена» или «Наш век суров...». Ну разве плохи такие стихи, как «Пережитым потрясены» или «Утро», или «Мы помним все...», или «Хлынул дождь», или «В юности мы спрашивали часто», или «Левитан», или, особенно, «Другу»?.. «Не время ль расцвети всему, что на душе у нас хранится!» – какой это обширный вопрос, и как он волнует душу!» (26.11.1948);

«А пока спасибо сердечное Вам за книги. Я получил и второй сборник Вашего «Избранного». Только знаете что? Я получил сначала Ваше письмо. Сказал об этом тому другу своему, о котором я Вам писал. Он сразу же прямо завопил: «Как! Зачем же тебе два одинаковых сборника, в то время как у меня нет ни одного? Нет, этот сборник будет моим!»... Товарищ предложил мне взамен любую книгу из своей скромной библиотеки. Я взял Долматовского (из серии «Библиотека избранных произведений к 30-летию Советской власти»). Кстати, Вы в этой серии не изда-

етесь? Ведь Ваши во много раз лучше стихов того же Долматовского?). Сейчас мы с товарищем восторгаемся друг перед другом Вашими стихами». (24.12.1948);

«Особенно благодарю за обещание прислать мне новую книгу стихов – «Август». Вероятно, это будет сборник исключительно, на редкость зрелый, как сам месяц, имя которого он будет носить... Одним словом, не знаю, что будет обозначать у Вас «Август», но твердо верю, что он мне доставит много хороших, волнующих минут, потому что выйдет он под именем Н. Рыленкова, а этот поэт плохих стихов не пишет.

У меня на столике четыре сборника стихотворений: два Ваших, Твардовского и Сергея Есенина. Остальные в другом месте. Не лгья Вам, скажу, что чаще других я беру Ваше «Избранное». Как только я могу, я беру Вашу книжку и говорю: «Ну, Николай Иванович, давайте побеседуем». (Я уже давно решил Вас так называть и рад, что не ошибся).

Сегодня я перечитывал Вашу «Русскую дорогу» из «Наступления весны». Как и в первый раз, сначала мне не нравился несколько прозаический тяжеловесный слог ее, а потом... потом я несколько раз прерывал чтение, чтобы не разрыдаться. Не разрыдаться не от какой-либо сентиментальной сцены (таких в поэме нет), а просто и сам не знаю от чего. Из отдельных стихотворений мне сейчас особенно нравится Ваша «Лада». Как оно глубоко и мудро!.. Но если бы мне предложили выбирать из Ваших стихотворений, я бы все-таки взял, знаете какое? «Пока влекут тебя дороги». Ах, как оно мастерски сделано, как оно ясно по мысли! Это прямо пушкинское стихотворение!» (23.01.1949).

Письма говорили поэту, что он нужен читателям, именно таким, каков он есть, что они ждут от него именно таких стихов, которые он создает – затрагивающих самые глубокие, светлые стороны их духовной жизни, и самое главное – поддерживают его.

Примечательны письма Левонтина, в которых он анализирует или выражает свое отношение к различным произведениям

Рыленкова 60–65 годов и как профессор-анал, и как любитель литературы. Интересно и сама личность Левонтина. Его биография может быть основой авантюрного романа. Левонтин Эзра Ефимович родился в 1891 году в Тегеране, где отец его служил инженером на спичечной фабрике. С фабрикой была какая-то история, и семья перебралась в 1892 году во Францию, а через несколько лет в Россию, в Рязань. Окончив в 1909 году гимназию, Эзра уезжает в Париж. Возвращается на Родину, в Москву, поступает в университет на юридический факультет, который заканчивает в 1913 году. Опять выезжает в Париж, путешествует. В 1915 снова Москва. В 1910 году дебютировал в студенческом сборнике «Отклики» стихотворением «Осенняя песнь». Автор сборников «Дракон», «В вагоне», «Зимние сантименты», «Снова», «Фелука». Высокообразованный человек. Знал несколько языков, французским владел как родным. Был знаком с В.Г. Короленко, В.Я. Брюсовым. После войны занимался, по-видимому, только переводами и очень избирательно. Являясь «французистом», переводил, например, Ги де Мопассана. Делал переводы с казахского, марийского, чеченского. Оригинальные стихи его не печатали. Был известен в определенных кругах читающей публики. На юбилейном вечере в 1956 году (65 лет), который вел очень известный поэт Павел Антокольский, было много народа. Умер в 1968 году.

Первое письмо датировано 14.06.1960, но я думаю, исходя из содержания, что, скорее всего, были еще, или он встречался с папой лично.

Вот выдержки из него.

«Дорогой Николай Иванович, я люблю – Вы это знаете – Ваши стихи, мне по душе многие Ваши публицистические выступления. Но ни одно из последних не производило на меня столь сильного впечатления, как статья «Жажда сердца».

Я давно убежден, что у нас в журнальной и издательской практике обедняют лирику; жажда сердца почти никогда не бывает утоленной. Существует небольшое количество имен лирических поэтов – Вы,

Щипачев, Мартынов и еще несколько человек, которые ведут свое творчество путем лирики. Но этого мало, очень мало, ох как мало! Значит ли это, что нет лирических поэтов? Они есть. Но – если это не «апробированные» лирики, то даже для их одобренных вещей не оказывается места. Пусть, кроме тех поэтов, что я назвал, есть еще 20–30 русских лирических поэтов, чьи пьесы печатаются. Но сколько же сот подлинно поэтических произведений русской лирики пропадает, скрывается от русских читателей потому, что имя поэта не входит в излюбленный (привычный) редакционный список, в пресловутую «обойму».

Мне жаль поэтов. Но в десять раз больше жаль читателей: за что их лишают чистой влаги, способной утолить «жажду сердца»?.. Ваша превосходная статья, Николай Иванович, будит сознание людей, решающих судьбу произведений: дайте дорогу чистой влаге, способной утолить жажду сердца. Я – старый человек, не думаю, что доживу до времени, когда жажда сердца будет утоляться невозбранно. Но она будет утоляться, эта жажда. И Вы много сделали, чтобы помочь этому делу».

Следующее письмо, от 27.11.1960 года, относится непосредственно к поэтическому творчеству.

«Создается, дорогой Николай Иванович, несколько наивная и, может быть, смешноватая традиция: когда я встречаю в печати Ваши вещи, меня волнующие, я пишу об этом Вам. Я давно не печатаю статей и рецензий, если они не касаются переводных произведений (не совсем по своей воле), так же как не печатаю своих оригинальных стихов, даже имеющих успех в аудитории (тоже не по своей воле). Переделывать это уже поздно (ведь 29 июля 1961 года мне исполнится 70 лет). И поэтому я, в редких случаях, обращаюсь с письмами к вдохновившим меня авторам.

На этот раз Вы взволновали меня сонетами, посвященными памяти И.С. Никитина. Об этом надо сказать несколько слов.

Не просто хочется сказать, а именно надо сказать.

1. Мы забываем выработанные в веках формы: почти исчезли октавы, рондо, триплеты, сонеты. А вместе с тем не мешает помнить, что эти формы выработаны в веках художественным сознанием человечества не в порядке фокуса, а в порядке отыскания наилучшего способа выражения большой мысли. Великолепные октавы М. Рильского это вполне подтверждаю. Менее значительные и, все-таки, интересные гексаметры П. Радимова тоже подтверждают обоснованность избранного метра. И вот теперь Вы выступили с рядом сонетов (не вполне каноничных), посвященных поэту, казалось бы, менее всего связанному со строгой формой, созданной в Италии, получившей развитие в ряде европейских стран и отыскавшей новое, принципиально новое русское звучание. Вы сделали шаг большой смелости. Вопрос в том, привел ли Вас этот шаг к художественной и идейной победе.

2. Разберемся в этом. Сонет, прежде всего, философичен. В его 14 строках заключена не просто большая мысль, а философия. Поэтому поэт, создавший сонет, так его строит, что финальная строка (или финальные две строки) подводит итог сказанному, берет читателя, говоря тривиально, за шиворот и заставляет его, читателя, понимать – вот только то и так надо сказать, как поэтом сказано.

3. Я читатель и придирчивый. Вернее – я старый брюзга. Я десять раз перечитал Ваши сонеты и поверил, именно то сказано, что надо сказать: именно почти так надо сказать, как сказано. «Тоску не станет заливать он чаркой, Он должен, он сумеет устоять» – и это вопреки той мрачной картине, что нарисована в первых 12 строках. «Он будет пить из своего колодца, и ковш найдет в полыни под межой». Как это точно, как это связано с двумя предыдущими строками: «Лишь о своем посвоему поется, а он не хочет песни петь чужой». (Мне, «французисту», вспоминается: «Мой стакан мал, но я пью из своего стакана»)! «Коль не к жене, так к сыну ям-

щика найдет сразу честная строка». И это органически связано с утверждением, что «песню полным голосом споет он, и станет песня подвигом его». Я не пишу о втором сонете: там финал менее «сонетен», хотя по-своему вполне выразителен.

4. Оправдана ли выбранная Вами форма? Оправдана вдвойне: во-первых потому, что стихи весьма экономны по выразительным средствам и философичны; оправданы потому, что напоминают русскую поэзию, что нужно вернуть в ее арсенал, снова взять на вооружение сонет, да и другие классические формы. Ибо эти формы помогают по-новому, с новой выразительностью прочесть сегодняшнюю мысль, мысль сегодняшнего поэта. А Вы поэт сегодняшний, даже когда пишете о прошлом.

Мое письмо было бы недостаточно, если бы я не упомянул бы и о некоторых недостатках. Сонет, по своим качествам, по своей краткости, по многовековой традиции не терпит никакой, в том числе и звуковой или смысловой неточности или неряшливости. Такая неточность или неряшливость всегда досадна. В сонете она нетерпима. И это уже не «мелочь», а пятно на сонете, когда Вы накапливаете звук «к» в превосходной строке «Развязывают души, как кульки» или в строке «Коль не К жене, таК К сыну ямщиКа». Я не уверен, что стих может жить закваской и что этот образ (стих, живущий закваской) закономерно исходит из образа стиха, ЗАКИПЕВ-ШЕГО под сердцем. Почему ПОД сердцем, а не в сердце? Или ассоциация с беременностью? Но плод, лежащий под сердцем, не закипает...

И все-таки, дорогой талантливый поэт, Вы решили смелую задачу поставить классическую форму на службу сегодняшнему дню. Я рад этому. Я поздравляю Вас от души, Вас и многочисленных читателей Ваших».

Тут мне хотелось бы сказать следующее. И в газете, и в книгах написано не закипевший, а накипевший, и это не одно и

то же. Как мне кажется, Левонтин не совсем понял смысл выражения – имелось в виду стихи, написанные сердцем, образ, а не место рождения. Есть выражение, кстати, широко употребляемое, «накипело на сердце», а не в сердце, т.е. боль, страдания, глубокие переживания, которые выплескиваются наружу. Что касается «закваски», то это широко употребляемое выражение, подразумевающее концентрат того, чем жив человек, что составляет его основу, сущность. Недаром говорят: у него хорошая закваска, т.е. жизненные силы, истоки, правильные этические нормы.

Своеобразие Рыленкова-поэта идет, как мне кажется, от его многогранной личности, так как он был не только талантливым стихотворцем, но и блестящим знатоком мировой и русской поэзии и глубоким знатоком теории стиха, что позволило ему использовать как традиционные, так и современные формы, а нередко изобретать и свои собственные. И все это не игра, а осознанное желание соединить в единое целое вложенные в стихи чувства, мысли, образы и облечь их в только им присущую форму. Гармония содержания и формы. Примерами этого являются сонеты. Рыленков неоднократно обращался к ним. У него насчитывается их 72. В одной из тетрадей записано 16 под общим названием «Россия (сонеты)». В каждом действительно упоминается Россия. Да, он не использовал такую форму, как венки сонетов, но он создал циклы их. Например, триптих («Гостеприимны были наши предки», «Заря, как медный щит багряна», «Памятник 1812 году в Смоленске»). Это сонеты на исторические темы, а другие чаще всего посвящены проблемам творчества, как, например, разбираемые Левонтиным, а также Левитану, Коненкову, Толстому, Глинке и т.д. При этом сонеты у него очень разнообразны и своеобразны – от строго классических до весьма вольных.

Использовал и такую малораспространенную форму, как октавы. В 1957 году написана «Отава». Очень простое, казалось бы, стихотворение, однако показывающее и тонкую наблюдательность ав-

тора, и народную мудрость, и целостность формы и содержания. Есть у него цикл из семи стихотворений, написанных в этом размере, под общим названием «Осенние октавы».

Он первым из современников в конце 50-х годов использовал свободный стих для создания очень значимого для него стихотворения – «Думая о матери». Он с бесконечной нежностью и любовью относился к матери, и ему хотелось написать о ней так, как она этого заслуживала, какой она ему запомнилась. И обратился к верлибру.

Левонтин на протяжении очень долгого времени не имел возможности печатать свои оригинальные стихи, переводил с шести европейских языков и многих языков союзных республик. Но, как человек высокой культуры, он внимательно следил за литературным процессом, особенно за поэтическим творчеством своих современников. И, конечно, ему хотелось высказывать свои мысли по этому поводу не только лично авторам, но и в печати, внести свою каплю меда в развитие культуры. Он задумывает серию литературных портретов, в том числе и Н.И. Рыленкова. О чем это говорит? Левонтин – человек практичный, он выбирает, как мне кажется, людей для этого по двум критериям: а) достойных, б) не заласканных критикой.

Вот что он пишет в письме от 19.05.1961: «Я очень сожалею, дорогой Николай Иванович, что не знал о Вашем пребывании в Москве и не повидался с Вами. Вот в чем дело. Я давно задумал написать несколько творческих портретов. Один из них и в первую очередь – Ваш. Я сделал предложение в «Дружбу народов» и еще кое-куда, однако успеха не имел: «программа заполнена», «не соответствует профилю журнала» и прочая абракадабра.

Я хочу через Вас осведомиться, нельзя ли получить соответствующее поручение (без всяких авансов, но твердое) от того или иного органа (альманаха), издающегося в Смоленске. Я хотел бы дать статью на 1–1½ листа, в которой бы я смог показать:

- а) путь Вашего творческого развития;
- б) Ваше новаторство.

По этому пункту я хотел бы остановиться на Ваших, в частности, интересных сонетах, недавно опубликованных. Дело в том, что новаторство Ваших сонетов не только в их новаторской форме (рифма, повторяющаяся в 4-стишии и 3-стишии, – прием, употребленный только 1 раз и одним лишь Пушкиным), а в идейно-стретной обоснованности этой формы.

Вам известно мое мнение, не поколебленное в течение ¼ века. Вы поэт выдающийся, Вы современны и своевременны, причем оба эти качества Вы раскрываете, не разрушая канонов русской классики, а развивая эти каноны.

Таковы в двух словах мои мысли, которые я хотел бы развить в статью. Но у меня нет мужества работать над ней без издательского адреса. Я для этого слишком стар (мне 29/VII исполняется 70 лет, можете по этой причине послать мне открытку с красивой картинкой).

Я бы хотел Вашего ответа на это письмо».

Рыленков ответил на письмо Левонтина. В городе выходил альманах, редактировал его Н.Г. Антонов. Ему послал свою заявку Эзра Ефимович. В ней он пишет: «Свыше 25 лет тому назад на страницах покойного «Литературного критика» я в общей обзорной статье посвятил 1-2 страницы творчеству – тогда начинающего – Николая Ивановича Рыленкова. Мой интерес к нему оправдал себя, больше я, правда, о нем не писал, но пылливо следил почти за каждым его стихотворением.

Я пришел к выводу, что неплохо было бы написать о нем статью в лист-полтора размером, в которой дать его творческий портрет, дать характеристику деятельности одного из самых примечательных русских лириков нашего времени.

Рыленков, как поэт, соединяет в себе, прежде всего, дыхание современности с верностью лучшим традициям русской классики; однако он не застыл на этих традициях, он закономерно развивает их (не ломает, а развивает); он нередко бывает поэтом-новатором (достаточно в этой связи вспомнить недавно опубликованные им сонеты).

Словом, статья о Рыленкове была бы небесполезна советскому читателю».

Одновременно с письмом Антонову Левонтин пишет коротенькое письмо Николаю Ивановичу, из которого можно сделать два важных вывода:

1). Рыленков достаточно хорошо знал Эзру Ефимовича и как поэта и как переводчика;

2). Ценил его поэтическое чутье.

Думаю, что в нашей библиотеке, безусловно, есть книги, переведенные Левонтиным, а возможно, и что-то из его оригинальных стихов. Вот это письмо:

«13/IV-61

Дорогой Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Против одного я решительно возражаю: я никогда не был одним из Ваших учителей, не претендую на эту честь, не имею права на нее. Я просто очень люблю Ваше творчество, в моих глазах (если мое мнение имеет значение) Вы один из наиболее примечательных лириков русской современности».

Что касается литературного портрета, то, естественно, добро на него не дали не только в Москве, но и в родном городе, где объективный взгляд на творчество был зашорен дикой завистью.

В 1962 году Рыленков сделал поэтический перевод, или, как он сам называл, пересказ древнейшего литературного памятника – «Слова о полку Игореве». Отрывок из него «Плач Ярославны» был опубликован в «Литературной газете» за 01.11.1962 г. И в этот же день на него откликнулся Левонтин:

«Ах, до чего же я взволновался, дорогой друг, прочитав полчаса тому назад несколько строк из Вашего перевода «Слова». Всего несколько строк, а видно: Вы пишете для сегодняшнего читателя, и в то же время сохраняете самое природу подлинника. Это – почти разрешение задачи по созданию квадратуры круга!

С нетерпением буду ждать полного перевода (если доживу: лет мне много, здоровье никудышнее, чему изрядно помог Ваш шеф по «Советскому писателю»). Не забывайте обо мне! Будете в Москве, загляни-

те, порадуйте старика. (Мой новый адрес указан в заголовке).

Обнимаю».

Следующее письмо Левонтина – от 21.02.1963, и объектом анализа является поэма «Петербургский туман», опубликованная в ленинградском журнале «Нева», написанная еще до войны, но затем доработанная.

«Такова моя переводческая судьба, дорогой Николай Иванович. Перевод, как правило, идет; рецензия или критическая статейка тоже проходит. А вот, когда я предлагаю написать статью об оригинальной книге или оригинальной поэме, мне дают понять, что, мол, переводческий чин у меня есть и не очень низкий, ну и занимайся – и как поэт и как критик своим переводческим делом.

И тогда я, если речь идет о близком мне по духу поэте, пишу вместо статьи или рецензии письмо. У Вас есть несколько моих писем. Прочитайте и это. В нем речь идет о совершенно примечательной Вашей работе, о поэме «Петербургский туман».

1. По сути дела Вы написали повесть в стихах. Вступление «Северная Пальмира» дает умный и серьезный зачин всей поэме. Юный учитель, желающий реализовать свое стихотворческое дарование и отыскать затерявшуюся любимую, приезжает в Петербург. Здесь Вы открываете все, что нужно открыть читателю. Здесь в органической связи – находится и интимно-личное, и творческое устремление, и – в какой-то мере – характеристики холодного чиновничьего Петербурга; и в этом Петербурге – «под высокую руку» газетного чернорабочего попадает провинциал Вишняков.

2. Вишняков демонстрирует свою поэзию. Но он не хочет казаться тем, кто, может быть, был бы приятен газете, но кем он не может и не хочет быть.

Вот она, желанная коллизия! Юноша, для которого его имя, набранное типографским шрифтом – событие, не может не быть самим собой! И ни на какие компромиссы он не согласен! Он не приемлет людей, которые «в этом городе шумном» никогда не слышали «настоящего грома».

И пусть в стихах о России мы слышим отзвуки блоковского гения (ей же богу это не так уж плохо!), пусть Ваш лирический герой узнает о трагической гибели любимой, пусть он сидит за трактирным столиком, где ему не место, но рабочий человек напоминает Вишнякову, что ему, Вишнякову, не место в трактире.

3. Эпилог – логическое и социальное завершение поэмы. От Державина, Достоевского, декабристов, Чернышевского, Блока ведет дорога к Вишнякову. Хорошо это у Вас получилось. Хорошо. По-настоящему хорошо.

Вот и все. Все хотя бы потому, что я опять нездоров. Но я не мог утерпеть и наскоро написал Вам письмо.

Жму Вашу руку
Преданный Вам
Подпись».

Рыленков никогда не останавливался на своем пути, он постоянно совершенствовал свои творения, но особенно плодотворными для него были шестидесятые годы, когда раскрылись удивительные творческие возможности его и как поэта, и как создателя лирической прозы, и как литературоведа и критика. Его стихи при отточенности формы приобретали все большее философское звучание, глубину, лаконичность, прозрачность акварели. Простые по форме, они требуют напряженной работы мысли. Стихи-афоризмы, созвучные стихам поэтов Древнего Востока, но в то же время во многом русские. В «Правде» от 20.12.1964 опубликован был небольшой цикл таких стихов (8) под общим названием «Раздумья». Каждое из них состоит из четырех строк.

Вот одно из них:

«В полуденный зной
По лугам и полям проходя,
Твержу я, окинув
Окрестности взглядом ревнивым:
– Стихи мои, будьте
Как первые капли дождя,
Что добрые вести
Приносит покосам и нивам».

Вот как откликнулся на подборку в «Правде» Левонтин:

«Я сел за пишущую машинку, дорогой Николай Иванович, не для того чтобы в н-ый раз сказать Вам, что Вы замечательный поэт. Я об этом пишу Вам (да и как-то давно в печати) уже лет 30. Поводом к этому письму послужили несколько Ваших четверостиший, недавно опубликованных «Правдой».

Это новое слово в русской поэзии, в частности новое Ваше слово. Вы, разумеется, знаете, что четверостишия (рубайи) бытуют в восточной поэзии (грешный человек, и я перевел толику рубайи). Они созданы, чтобы в предельно сжатой форме создать философическую мысль. Ваши четверостишия никак не перепевы восточных рубайи. Это самобытные русские четверостишия, в которых отлилась русская природа, русская мысль, русская жизнь, русская напевность, и в то же время приходит в голову мысль, что на автора как-то воздействовала восточная форма, как, вероятно, на создание русского сонета – предельно самобытного – воздействовал итальянский сонет: ведь и в пушкинских сонетах («суровый Дант не презирал сонета») полным голосом говорит о себе русская национальная природа их гениального создателя. Налицо (возвращаясь к Вашим четверостишиям) благотворная связь различных национальных поэзий. Не знаю Ваших намерений, но получилось именно так: родилось русское философическое четверостишие, национально своеобразное, самой своей природой предназначенное для выражения мысли, предельно сжатое по форме, предельно напоенное содержанием.

Это, Николай Иванович, не только новое слово в Вашем творчестве: это новое слово в нашей поэзии вообще. На 74-м году жизни я не устаю радоваться поступательному ходу русской поэзии. И Вашему успеху я всегда радуюсь с особенной сердечностью.

Вот то небольшое, что мне захотелось Вам написать».

Последнее, из найденных в архиве, письмо Левонтина датировано 2 января 1965

года. Этот ответ – благодарность за присланную книгу. Она не названа, но, судя по всему, это вышедший в «Художественной литературе» в малой серии Библиотеки советской поэзии сборник (1964г.).

«Я не нахожу слов, мой дорогой талантливейший друг Николай Иванович, чтобы отблагодарить Вас за Вашу книгу и такую трогательную надпись, адресованную мне.

Я, видимо, знаю все Ваши книги и вправду со всей откровенностью сказать, что присланная мне Ваша книга – самая значительная из всех, созданных Вами.

Ее проникновенность, задушевность, ее глубокая задумчивость, ее национальная сущность, ее примечательное мастерство (чего стоят одни рифмы – неожиданно сложные или построенные в унисон в четверостишиях и многое другое) – все это даже мне, человеку, имеющему навык к стиху, кажется явлением совершенно примечательным в русской поэзии. В телефонном разговоре я обратил внимание Л.Н. Фоменко (она член редколлегии «Литературной России») на Вашу книгу. Она предложила мне написать о Вашей книге. Однако, ввиду однажды проявленного ко мне прямого неуважения (чтобы не сказать хамства) со стороны «Лит. России», я сказал, что дал себе слово никогда ничего в этот журнал не предлагать. Кстати, она лично не повинна передо мной, но я выразил уверенность, что критика откликнется на Вашу книгу серьезно и благожелательно. ...Сейчас в «Правде» прочитал «Праздник зимы». Хорошо! Настоящее рыленковское стихотворение! Хорошо, – оттого что в каждой букве – русское».

«Праздник зимы» опубликован в тот же день, как и датированное письмо.

Вот такими яркими штрихами нарисован литературный портрет Рыленкова этим человеком. Конечно, он мозаичен и фрагментарен, касается только Рыленкова-поэта и то не всего его поэтического творчества, но и этого достаточно, чтобы понять, насколько интересным поэтом он был, насколько его творчество глубоко индивидуально, самобытно и какой вклад он внес в развитие поэзии двадцатого века.

И в заключение отзыв М.Рыльского. Всего несколько слов, но какой глубокий смысл стоит за ними.

«Дорогой Николай Иванович!

Не знаю, застанет ли Вас это письмо, – во всяком случае, надеюсь, Вы его получите! Да это и не письмо, а два слова.

Разрешите крепко пожать Вам руку за стихи, напечатанные 15/VI в «Литературе и жизни». Вот и все.

Ваш М. Рыльский

17/VI-1962.

Речь идет о четырех стихотворениях, включенных в сборник «Пятое время года». Это: «Я рано понял, что такое жалость», «Я, признаться, жить хотел бы долго», «Зачем я стану притворяться», «Пусть день за днем сочувственно судача». Все они относятся к медитативной лирике и, с одной стороны, – глубоко исповедальны, а с другой – очень мужественны. Особое место в этой подборке, на мой взгляд, занимало стихотворение «Зачем я стану притворяться», которое особенно взволновало М. Рыльского. Написано оно не в 1962 году, а в 1956. Его вариант поме-

чен 28–30.10.1956 года. В нем правда той эпохи. Вот этот вариант.

Нет, я не стану притворяться,
Что ясно все в душе моей,
Что не пришлось мне отречься
От оклеветанных друзей.

Пришлось! Сказать всю правду нужно,
Как память нам ни тяжела,
О тех годах, когда и дружба
Под подозрением была.
Не нянчусь я со старой болью,
Она приходит, – рад не рад;
Не посыпал я раны солью,
А раны все-таки горят.

Да, не легко признаться в этом,
Но все ж признаться хватит сил,
Чтоб ты, не веря злым наветам,
Всю жизнь с открытым сердцем жил!
28–30.10.1956

Но это и некоторые другие стихотворения, относящиеся к гражданской лирике, требуют особого, отдельного разговора, и к ним я постараюсь вернуться.

Из записных книжек и тетрадей Е.А. Рыленковой

ГОРЬКИЕ МЫСЛИ

Прочла Бондарева «Игру». Скорбью и болью легло на душу его слово – совесть.

Кресло перевесило – не выдержал.

Да, совесть высшее чувство человека, настоящего человека. Человек-интеллигент стоит на острие, а если он талантлив, если не может быть пресмыкающимся, не может поступиться своей совестью, ведь совестливой зовется русская душа, тогда же, не сегодня, так завтра тебя съедят, подведут под «высокие слова» и придавят подлость. Я не могу свободно вздохнуть, видя вокруг себя не врагов, нет, просто

людей без чести и совести. И кто же эти преуспевающие люди, почему им стали претить совесть и честь? Почему им колет глаза именно человек с совестью и тем более интеллигент? Как им хочется замарать его, втоптать в грязь, чтобы был похож на них, имел подленькую душонку. И как все ясно видно на судьбе Коли. Кусали его, но сбить с ног не могли, пока ясность цели, чистота души, его незапятнанная совесть не давали стать ему на горло. Сейчас были бы рады вытравить и самую память о нем, до сих пор он им укор – укор нравствен-

ный. И помогает им в этом последняя жена М.В. Исаковского, которая со своим мещанским мировоззрением уничтожила Колины письма к Исаковскому, письма, в которых так много высоких помыслов, человечности, духовной близости. Верю, что время все расставит на свои места и душевное слово будет нужнее трескотни, но пока на поверхности... блюдолизы. Разумеется, так сказать нельзя обо всех пишущих.

Коля 25 лет был (после войны) секретарем Союза писателей. Работа в Союзе отнимала много времени и сил. Сколько раз он отказывался от этого поста, но каждый раз заставляли принять и продолжать работу в нем. А скольким он помог, и какая в Союзе была атмосфера при нем, даже саамы темные и злобные не могли устоять перед его доброжелательством и благородством.

Испытание властью прошел достойно. Никогда не давил, а мог бы, даже своих ярых противников, наоборот, сочувствовал их ущербности, маете их душ, не обращая внимания на их мелкие, завистливые душонки, вернее, прощал. А сколько это стоило нервов, сколько причиняло головных болей – не счесть. И в чем только эти серенькие людишки не обвиняли его – а он старался сделать из них порядочных людей и уж хотя бы – обыкновенных...

Я вовсе не хочу сказать, что такой была вся смоленская пишущая братия. Нет, конечно. В основном в тогдашнем Союзе писателей люди были способные, выдержанные, понимали нелепость требований некоторых пишущих, но часто не хотели с ними связываться, спорить. До сего времени те из писателей, что прошли школу Николая Ивановича, добрым словом вспоминают его. Я это постоянно чувствую.

Не берег себя, работал на износ, говорил: поэту беречь себя противопоказано.

Сгорел от этих дум, от желания сказать еще не сказанное, заветное, что томит

душу и просится на свет! Об этом он и сам писал. Не успел. А ведь возраст был – возраст мудрости и мужества, когда, как сказал Коля, уже не влекли к себе ни слава, ни признание, ни ликующая толпа, а только хотелось сказать то, что томило душу, что казалось нужным и главным людям. В чем основной смысл творчества. И все же написал так: «...я сделал все, как мог, ни от чего не отрекаюсь и не зову в свидетели ни друга, ни жену». Никаких скидок себе не делал, – ни на раннее сиротство, ни на трудности получить образование, ни на тяжелую крестьянскую работу, ни на жизнь в чужой семье. А он, несмотря на все трудности, получил образование, сам, без чьей-либо помощи, встал во весь рост, стал человеком высокообразованным. При этом не потеряв лучших свойств человеческой души – справедливости, доброты, сострадания. Всегда готовый прийти на помощь другу и даже недругу. Всегда умеющий держать себя в руках, всегда был в высшей степени благороден. И, видимо, чистота его души так привлекала к нему, что поневоле заставляла уважать его даже недругов. Все эти благородные качества хороши, хороша и выдержка, но что это стоит самому человеку, как изматывают его организм, его душу. Нередко приходил домой после шумных собраний с упреками в свой адрес, в которых сквозила неприкрытая зависть, – мол, мало о них думает, не помогает печататься в столичной прессе. Видит Бог, старался, помогал, но плохо есть плохо. Тянул даже почти безнадежных, если видел у них хоть строку или две с искоркой. Иногда дело доходило до абсурда. «Писатель», издавший первую книгу стихов с помощью Николая Ивановича (который фактически доработал ее до приемлемого уровня) и возомнивший себя корифеем, решил тут же издать и вторую, очень слабую. Николай Иванович прямо сказал об этом автору. Вот и пошла писать губерния. Он, автор, написал на Ни-

Коля Ивановича 250 доносов, начиная от обкома, Союза писателей в Москве до парторганизации и, наконец, газеты «Правда». Если после издания первой книжки стихов он говорил, что развесит везде плакаты с дифирамбами в адрес Николая Ивановича, то потом, уже после отказа издать вторую книжку, стал обвинять его во всех возможных грехах. Из «Правды» прислали Семена Нариньяна (тогдашний известный фельетонист) проверить. После проверки в «Правде» появился фельетон С. Нариньяна «Двести пятидесятый донос». Доносчик был разбит по всем им выдвинутым обвинениям.

Помню, Александр Трифонович как-то у нас дома сказал Коле: что ты делаешь, зачем тянешь эту неблагодарную бездарь, ведь они от тебя будут скоро требовать столичного издания их собраний, а не сможешь дать – утопят тебя в дерьме или навесят таких ярлыков, что и жить станет тошно.

Как глоток родниковой воды, как чистый воздух бора, навеяла мне на душу книжечка Колиных стихов, изданных в Чехословакии в 1989 году. Там поняли и приняли его стихи, с их чистыми человеческими помыслами, с думами об общечеловеческих ценностях – любви, дружбе, об окружении, об истории, о нашем прошлом и будущем. Как человечны и созвучны сейчас его стихи, точно написаны только что. А для меня его образ, живущий во мне, и сейчас со мной. Я всегда ишу у него совета и помощи и, может быть, не всегда правильно его понимаю, и это меня мучает. Ведь полнокровная жизнь с Колей, общение с ним, его чистотой, умом так много мне дали, я так бесконечно многим обязана ему, его эрудиции, доброте, любви. Насколько шире стал мой взгляд на историю и литературу. Насколько я ему обязана и в развитии широты взгляда на мир. И одно

у нас обеще – это честность и человеколюбие. Ложь во спасение мне всегда была чужда. И Коля, когда его одолевала сомнения, просил меня сказать – как бы я поступила в том или ином случае. Он знал, что лгать во спасение я не стану. И все это не память о Коле, а жизнь с Колей, хотя я и одна, но он со мной всегда. Я рада, что живет Коля не только во мне.

Жизнь Коли – это очень нелегкая жизнь. Раннее сиротство, жизнь в семье дяди Павла с младшим братом Афанасием. Много горечи выпили братья, пока чуть стали на ноги. Будучи старшим братом, понимал, что они являются обузой для тетки – жены дяди Павла, которая и не скрывала своей неприязни к мальчишкам. И отсюда, мне кажется, ранняя задумчивость о жизни, о явлениях природы и в какой от нее зависимости находится человек – дитя земли. Само окружение природы было великим благом для мальчика, она его не обижала, наоборот, делилась с ним своими дарами, и дар этот он принял и всю свою жизнь был верен завещанному ему природой – работать и всегда помнить о матери-земле. И этот долг выполнял до конца, не давая себе роздыха и лени.

Живописность, пожалуй, основа его творчества, и она так тесно переплетается с внутренним миром человека, что они неотделимы друг от друга, вернее сказать, органично сливаются вместе. Отсюда же и пристальный взгляд на все изменения, происходящие в природе, людях, и изменения эти больно ранили его. Ему было горько видеть, как исчезает любовь к земле, к окружающей нас природе, циничное отношение к самой работе, без стыда и совести губить землю, урожай, и все это потому, что их отучили быть хозяевами. Но хотя бы ими управляли знающие умные люди, а то ведь зачастую командовали те, кто не мог отличить овес от гречки. И особенно больно было применение всяческих отравляющих средств для поднятия

урожая. Стихи такие есть у Коли, что такое начальство не смешно, а страшно.

Стихотворение А.Б. Гатова, посвященное Н.И. Рыленкову. Рукописное в книге «Есть милая страна».

Николаю Рыленкову

Нужны ли колдовские наговоры,
Когда иные верные слова
С души тяжелые затворы
Срывают, как разрыв-трава.

А там, в раскрытой глубине душевной,
– Сверканье самородков золотых.
Так служит людям твой напевный
И чудодействующий стих.

Александр Гатов
9 декабря 1960 г., Москва

В 1966 году написано стихотворение, посвященное А. Гатову «Что такое наши исканья».

О Шкловском

Вспоминаю встречи в 1967 году в Пскове с Виктором Борисовичем Шкловским. Веселый, шумный, остроумный. Шуточки о теплых носках, здесь же, в гостинице, купленных женой, как расплата за молодость – его больные ноги. Его иронические высказывания о идущих вверх, шагая по головам. Все это с позиции правды (объективной) о пресмыкающихся. Коля потом рассказывал мне о его, вероятно, вынужденном, но все же падении, его писания об искусстве как слуге не народа, а его верховных управителей. А ведь умница, и талантом Бог не обидел. Блестящий полемист. Я не знаю, почему его тянуло к Коле, но он, как только увидит Колю, – спешит к нему поговорить и не только о теплых носках, а, конечно же, о литературе. Ему, видимо, интересно было знать мнение Коляно о тех или иных произведениях, о лите-

ратурных процессах настоящего времени. Коле было интересно с ним вести разговоры о литературе – ведь он чувствовал его понимание этих процессов и, хоть и не всегда прямо, говорил о них – справедливо и интересно. Его блестящий ум мог выразить все и в форме иносказательной, но для данного собеседника понятной интуитивно чувствовал, с кем говорит. Он чувствовал, как был мужествен и упорен Коля. Это проглядывало в разговоре о земляках: кто как шел – прямо или куда прикажут. О себе говорил, и опять возвращаясь к теплым носкам: я много бегал и в ту и в другую сторону – вот и наказание – больные ноги.

И Коля говорил мне, что много он сделал плохого для литературы: бросали его ноги под ноги уничтожителям культуры, что напутал он много – виноваты резвые ноги.

Декада русского искусства

Декада русского искусства в Латвии 1967 г.

Из Москвы в Латвию на декаду русского искусства отправилось около пятисот человек, представители всех видов творческих работников. После вокзальной суеты и шума в купе вагона было тихо и спокойно. Билеты мы получили в купейный вагон. Нашим спутником по купе, если мне не изменяет память, был Яков Смоленский. Коля был рад такому товарищу, и они вели долгие и интересные для обоих разговоры об искусстве, читали стихи. В этой поездке Коля был руководителем делегации писателей, что всегда налагало дополнительный груз на его душу. Заместителем его был Алим Кешоков («лукавый царедворец», как его называли некоторые писатели) – человек энергичный, пробойный и стремящийся всегда быть на виду. Коля долго не соглашался на руководство делегацией, и только когда ему пообещали по-

мощника – заместителя, – согласился. До этого Коля в Латвии был один раз, и рижане просили его приехать к ним на декаду. Его привлекало в этой поездке не руководство, а желание посмотреть край Яниса Райниса, послушать, поговорить, встретиться с друзьями. Мне нет нужды говорить о том, как Коля не любил выставлять себя, плести закулисные интриги. И все же в дороге произошло следующее. На границе республики участников декады встречали музыкой, венками, цветами. Руководители делегаций от имени своих товарищей по искусству отвечали на приветствия встречающих и были буквально засыпаны цветами, а Алим Кешоков вернулся в свой мягкий вагон с венком на шее. Я видела, как его розовое круглое лицо сияло от удовольствия. Оказывается, все руководители делегаций ехали в мягком вагоне, кроме Коли. Алим Кешоков взял себе билет руководителя делегации и как таковой выходил принимать приветствия от встречающих, даже не предупредив об этом Николая Ивановича. Коля считал это бестактностью, и этим дело кончилось, хотя некоторые «друзья» и подъездыкивали: а тебе досталась ли хоть веточка от венка русской литературы? Но это подзуживание на Колю особого действия не оказывало.

В тот же день Колю познакомили с Виктором Астафьевым. Разговор у них был не очень долгий, и у меня в памяти он не оставил следа. А когда Астафьев ушел, Коля некоторое время сидел, задумавшись, глядя и не видя ничего вокруг, и вдруг сказал – хороший прозаик. У него все настоящее, достоверное и язык родниковый. Ему веришь.

– А все же, зачем он играет Ваньку? Может быть, это происходит от внутренней застенчивости? Как ты думаешь?

– Вероятно, ты права. Он очень застенчив и старается преодолеть это. Хотя со мной ему можно было быть проще. Но это не главное – главное, что много может сделать, если не закружится голова. И все же я ему верю. Чувствуется, что на

его плечи много легло, и это не даст ему сфальшивить.

Уже после ухода Коли я прочла «Последний поклон» В. Астафьева. Как Коля оказался прав! Мне очень хотелось написать Виктору Петровичу, сказать ему большое спасибо за книгу, но, подумав, решила: зачем отнимать у него время на ответ а что он ответил бы, у меня была полная уверенность. Пусть пишет лучше хорошие книги. Теперь всегда читаю все, изданное В. Астафьевым. И я до сих пор вижу Виктора Петровича, сидящего в углу нашего купе, и задумавшегося Колю. Господи, сколько радости доставляли ему вот такие самородки. Доброго и долгого пути Вам, Виктор Петрович.

В Риге мы встречались редко. Писательская бригада была разделена на маленькие группы, которые выступали на предприятных, в колхозах. Были там и неувязки. И особенно с питанием. Летом в Риге много иностранных туристов, и это создало трудности, вернее, плохо подготовилось руководство писателей Латвии к приему и устройству приехавших писателей. И тут уже претензии к Коле как к руководителю. Это не венки принимать. Коля же чувствовал себя особенно неловко – его поселили с другими руководителями на отдельной даче со всеми привилегиями, а писатели жили в гостинице и не могли пробиться обедать в ресторан. Руководство декадой отказало Коле в его просьбе жить вместе с литературной делегацией. И, как съязвил В. Боковб «я вынужден был пойти на рынок, чтобы купить что-нибудь поесть, а ты сыт и о нас не думаешь».

Все это, конечно, утряслось, но Коле пришлось и нервничать и возмущаться. И, как часто бывает, в бочку меда всунули ложку дегтя.

Мы в Риге жили рядом с парком и каждый день рано утром отправлялись туда, а часов в 8 возвращались обратно. В это время Н. Новиков выходил в садик у дома. Он все говорил Коле, что он ранняя птица.

Там Коле очень хотелось переводить Яниса Райниса. Он сделал несколько переводов, но они его самого не удовлетворяли.

Дом наш постоянно был полон приезжими – родственниками, знакомыми, односельчанами и даже просто малознакомыми людьми. Гостеприимство – черта смоленская и в Николае Ивановиче была развита чрезвычайно. И почти всем требовалась помощь Николая Ивановича – то к профессору, то выяснения с пенсией, то налоги и по всяким другим вопросам – в общем, обращались со всякой всячиной. У нас не очень часто бывал старинный знакомый и дальний родич Василий Васильевич Бацев. Любопытнейшая фигура. Внешне импозантный – стройный, несмотря на преклонный возраст, тонкое лицо, густые седые волосы и усы, но черные широкие брови, живые пытливые глаза. Все свободное время в его приезды Коля с великим наслаждением разговаривал с Василием Васильевичем. Начинался обычно разговор с деревенских гостинцев – лесные орехи, мед, масло и хлеб крутой замески домашней выпечки. Переходили на дела колхозные, особенно сколько молока получают от коровы, какие луга, заготовка корма на зиму. А толк в животноводстве Василий Васильевич понимал – был ветврачом. Рассказав о деревенских новостях, переходил на темы городские – подробно расспрашивал у Коли о его работе как депутата облсовета, что он на этом поприще делает полезного, а как знатока сельской жизни для крестьян, – скоро ли будут настоящие хозяева земли, которые бы любили, берегли свою кормилицу. Мужик, он знает, отчего и что наша земля родит, а ему же говорят часто люди, ничего не понимающие, но приказывающие. Вот и зарастает поле хмызником, а поля оской. Василию Васильевичу Коля просто говорил: сами хозяева земли, вот и работай-

те, как положено работать на земле. На что Василий Васильевич отвечал: переезжай назад в деревню, будем вместе работать, мы тебе и время будем отпускать на твое писание, а ты только будешь стоять за нас перед указчиками. Ручаюсь – и хлеб будет, и молоко, и мясо. А разговоры с братенником Андреем выводили Колю буквально из себя: – Вы что – пошехонцы? «вот приедет барин, барин все рассудит», а сами, мужики от земли, так и ждете, кто рассудит. Коле было и жаль Андрея, хорошего тракториста, но уже отвыкшего самостоятельно думать, ждавшего, когда прикажут. Коля помогал Андрею материально, но как заставить его быть хозяином земли?

Из кладовой детства и юности

Как-то в один из жарких летних дней мы с сестрой Клавой и нашими подружками отправились купаться в тети Анютин вир. Меня этот вир особенно привлекал из-за чистоты воды, в которой даже не водились черные пиявки, вселявшие в меня панический ужас. Видимо, этим тварям не нравилась холодная вода от криничного ключа, тенистость, заслонявшая воду от солнца. В нашей деревне много криничных ключей и у всех ледяная, но очень вкусная вода. Особенно когда пьешь ее прямо из криницы – зубы ломит.

Мы уже выбирались из воды, стуча зубами от холода, и, натянув рубашонки, приплясывали на одной ножке, приговаривая: калека, калека, согрей человека, а если не согреешь – сам околеешь. И тут в наш девчоночий вир из-за кустов прыгнул Ваня Козырь. Мы все дружно завизжали, так как были еще не совсем одеты, а одна из моих подружек и вовсе в чем мать родила – нагая. В ответ на наши крики Ваня стал оправдываться, говоря, что он просто хотел посмотреть, нет ли в норах под берегом раков. И стал рукой шарить, но вместо раков оттуда выплыла крыса и бросилась к Ване. Он быстро повернулся и поплыл от

зубастой хищницы. Но не тут-то было, она успела укусить его за ногу. К счастью, берег был близок, и Ваня мигом оказался на берегу, избежав следующих укусов. Наш мужичок заплакал от боли и от вида крови. Утешать мы его не стали, но ногу перевязали платком, приговаривая: сам себя наказал, зачем лез в наш вир? Крысы таких нахалов не любят, вот и получил сдачи за нас от крысы.

Ваня, размазав слезы, сердито сказал:
– Надо мне ваш вир, замерзайте со своей крысой.

С той поры Ваня даже близко не подходил не только к холодному виру, но и к солнечным местам, где купались девчонки. Урок пошел впрок.

Вообще-то мы Ваню жалели – он со своими братьями и сестрами были круглыми сиротами. Их отец Осип Андреевич и мать Романовна умерли в течение трех дней. Мать – от «испанки», а Осип Андреевич – от воспаления легких. Хоронили их вместе. Осталось шесть детей. Старшей сестре Тане шестнадцать лет, младшей Анюте – два года. Брат Василий – 14 лет, Роман – 12 лет, Ваня – 10 лет, Андрей – 8 лет. При родителях росли послушно-вольными, т.к. Романовна управлялась с ними одна, а отец – легкомысленный мужчина – больше забавлялся игрой на скрипке, чем хозяйствовал. Играл на свадьбах, вечеринках. От его игры мало что перепало семье, сам же он любил веселиться, заодно и выпить не дурак. Вот после игры на свадьбе, где изрядно подвыпил, проспав на сырой весенней земле, скончался.

Дети осиротели, но не пропали. Стали пасти деревенское стадо, работать на пашне и в огороде. Ни один из братьев не стал ни хулиганом, ни бездельником. Все трудились и через 2 года стали жить лучше, чем при родителях. Таня управлялась с домашним хозяйством, младшей сестрой и братом Андреем, который был глупым. Он в 9 лет приходил к моей маме – она его крестная мать – с

требованием женить его. Говорил: «Мама-кресна, хочу жениться». Обычно мама его уговаривала подождать – вот, мол, тебе нужна хорошая невеста, а не какая-нибудь. Найду хорошую, тогда женишься. Иногда он спорил с мамой, но в конце концов соглашался подождать.

Сельчане хорошо относились к осиротевшим детям. Не корили за мелкие проступки, свойственные детям, а по-отечески опекали их. Дети не заводили драк ни с другими сверстниками, ни между собой. Таню слушались, и она пеклась о них как мать. Самый веселый и голосистый из братьев Роман пел во время работы и особенно вечерами, отправляясь в ночное. А если заметит девушку с парнем, тут уж самые озорные частушки про любовь будут спеты с особым вкусом. И когда я пеняла ему: Роман, зачем ты так поешь, смущаешь девчочек? – Обычно отвечал: разве ты была там, я тебя, ей-богу, не видел. Мне просто хотелось петь. А пел он в таком случае из желания позабавиться над девочками, их смущением. Но Роман никогда не пел похабных частушек или песен.

До сего времени вспоминаю осиротевших детей и доброе отношение к ним сельчан. Все дети выросли хорошими людьми, привычными к труду, и достойно вступили во взрослую жизнь. Они еще до войны переехали жить в Ленинград к своим теткам. Наш знакомый Ваня стал инженером. Он погиб на войне. Из всей семьи остались живы Василий и Танина дочь, а остальные погибли в Ленинграде во время блокады.

Как хотелось бы видеть такое отношение к людям, попавшим в беду, – будь то дети или взрослые. Увы, я этого в настоящей жизни не вижу. Я этим не хочу сказать, что добрых, порядочных людей нет теперь. Но они так изолированы, замкнуты, что даже соседей по дому не знают, не знают их горестей, бед. Исчезли человеческая общность, душевное единение, поддержка словом и делом.